

Ольга Истомина
СВОБОДА ИЛИ ЛЮБОВЬ

МОСКВА
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-312.9
ББК 84.4(2Рос-Рус)
И89

Истомина О.

И89 Свобода или Любовь / О. Истомина – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 490 с.

ISBN 978-5-521-91019-9

Бывает, что мир летит в тартарары и все, что тебе остается, это бессильно наблюдать. Именно это случилось с Камиллой. Дочь влиятельного графа, чьи капризы исполнялись по шелчку пальцев, сама оказывается бесправной наложницей, купленной, чтобы исполнять чужие желания.

Склонить голову и смириться с навязанной участью? Или с честью принять вызов судьбы и кинуться в бой? Зубами и ногтями выгрызая собственную свободу?

Вот только что будет, если в противостояние вмешается любовь? И так ли нужна окажется свобода, если в комплекте с ней приложится одиночество?

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-91019-9

© Ольга Истомина, текст, 2021
© Виталий Холодный, обложка, 2021
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

ГЛАВА 1

Стоявшая посреди комнаты девушка старательно разглядывала потолок, изо всех сил пытаясь не встречаться взглядом с суевающейся рядом портнихой. Вид у нее при этом был до того сосредоточенным, что солнце тоже заинтересовалось. Заглянувшие в спальню солнечные лучи скользнули по лицу девушки, разбежались по сторонам.

– Госпожа Лалия, я ведь просила вас закрыть шторы. Мое слово что, уже совсем ничего не значит? – получив, наконец, повод, та смахнула застилающие глаза слезы.

– Леди Камилла, я ни в коем разе не желала вызвать ваше недовольство, но в светлой комнате проще работать. Вы ведь хотите, чтобы ваша красота затмила все вокруг? А в криво сшитом платье вас ждут скорее насмешки, чем комплименты! – подняв палец, наставительно произнесла портниха.

Камилла при этих словах скорчила настолько пренебрежительную гримасу, что стало ясно – восторженные оды девушке приелись еще в прошлом сезоне и насмешки стали бы приятным разнообразием в льющемся нескончаемым потоком сахарного сиропа комплиментах.

– Солнце все еще светит, – глядя куда-то в сторону, Камилла топнула обутой в шелковую туфельку ногой.

– Уже иду, – портниха неохотно воткнула иголку в катушку с нитками и поднялась с пуфика.

Стоило ей повернуться к окну, как с девушкой произошли разительные перемены. Капризно сложенные губы сжались в тонкую линию, гордо расправленные плечи поникли, а по щекам вновь покатились слезы.

– И фсе таки фы неправы. Это фе летнее солфце, ему радофаться надо, – из-за булавок во рту голос Лалии звучал неразборчиво, но ее это совершенно не волновало. Кажется, она продолжала бы рассуждать, даже оказавшись в

одинокости. – Только сильно не уфлекайтефь, чтобы не загофело лифо.

– Было бы чему радоваться! – прежняя маска мгновенно вернулась обратно. Поспешно вытерев компрометирующие слезы, Камилла уставилась на портниху так, будто та произнесла несусветную чушь.

– Тогда порадауйтесь платью. Посмотрите, как вы в нем очаровательно выглядите! – сбить с толку портниху было сложнее, чем разрушить дом. – И эта худоба вам даже идет, выглядите хрупкой, как статуэтка. Да и бледность сейчас в моде.

Портниха трещала, не умолкая ни на минуту. Совсем скоро у Камиллы разболелась голова, но девушка мученически терпела, не желая приказывать Лалии замолчать. После сегодняшнего вечера о ней и так чего только не станут говорить, не хватало вдобавок ко всему прослыть взвинченной и капризной.

«Леди отличает не богатая одежда, а умение держать себя», – вспомнив уроки матери, Камилла растянула губы в дежурной улыбке и кивнула.

– В этом платье выглядите настоящей королевой. Любой художник счел бы за честь нарисовать ваш портрет! – указав на зеркало, Лалия продолжала льстить. – Могу ли я надеяться, что в следующий раз вы пригласите меня не ушить платье, а сшить новое?

«Вряд ли в ближайшее время мне понадобится новый наряд», – когтистая рука сжала сердце.

Впрочем, девушка в самом деле машинально повернулась и кинула взгляд в зеркало. Удивительным образом практически бессонная ночь не сумела испортить ее внешность, напротив, подчеркнула черты. И теперь на бледном лице буквально горели яркие изумрудные глаза. В светло-голубом пышном платье Камилла напоминала фарфоровую статуэтку. Красивую, утонченную и совершенно холодную.

– Вам не нравится? Если желаете, я могу пришить еще кружев на лиф. У меня с собой как раз совершенно случайно оказались этарийские кружева. Все вокруг просто с ума от зависти сойдут! – предприняла еще одну попытку сохранить, а то и приумножить свой заработок портниха.

– Нет, все чудесно. Спасибо за работу, – Камилла расплылась в дежурной улыбке. – Сколько, говорите, с меня причитается?

Рассчитавшись с Лалией и буквально вытолкнув ее за дверь, Камилла опустилась на пол прямо в платье. О том, что пышная юбка непременно помнется, и половина трудов портнихи пойдет насмарку, девушка не слишком беспокоилась. В конце концов, это не самая большая проблема...

По щеке вновь скатилась слезинка. Камилле по-прежнему хотелось верить, что все происходящее лишь дурной сон, вот только горничная никак не желала будить ее.

«Я все равно не сдамся. Такой меня не запомнят!» – стиснув кулаки, Камилла решительно поднялась.

Шагнула к туалетному столику. Лалия оказалась права, она действительно выглядела излишне бледной. Вот только причина кругов под глазами и искусанных губ крылась отнюдь не в несчастной любви. Собственно, сейчас Камилле вообще было не до подобных глупостей, зато решение существовало одинаковое.

С помощью румян и пудры удалось добиться естественного цвета лица и румянца на щеках. Окинув отражение долгим взглядом, девушка улыбнулась ярко-красными губами и отложила помаду. Завершающим штрихом стали духи.

Приподняв юбки, Камилла вышла из спальни. Дойти до парадного зала девушка могла бы и с закрытыми глазами, за семнадцать лет, проведенных в доме, она выучила здесь совершенно все, вот только сейчас смотрела по сторонам с таким видом, будто оказалась в поместье в первый раз.

Мраморная лестница с широкими ступеньками. Помнится, пятилетней, Камилла ураганом носилась по дому и, увлекшись, поскользнулась на только что вымытых ступеньках. Подвернула ногу, сильно расшибла локти, а еще вдобавок получила нагоняй и на целую неделю осталась без сладкого.

Камилла провела рукой по перилам, тщательно пытаясь сохранить в памяти ощущения холодного камня. Перевела взгляд на висящие картины. Мать была без ума от живописи и постоянно покупала новые и новые полотна, причем чаще всего изображающие морской пейзаж. А вот отец был без ума от матери и не устал приглашать художников, чтобы они рисовали ее.

Тогда это казалось совершенно ненужным. Камилла помнила, как мама жаловалась, что ужасно скучно часами стоять без движения и вообще, она живая гораздо интереснее любого рисунка. А спустя несколько лет слегла с лихорадкой, и портреты остались единственной памятью о матери...

– Камилла, ты само очарование! – отец уже встречал ее у лестницы.

Облаченный в черный камзол, он выглядел почти так же гордо и величественно, как на портрете, написанном на свадьбе. Разве что черные волосы наполовину поседели, да на лице прибавилось морщин. Зато синие глаза ничуть не утратили блеска, и в них по-прежнему светилась огромная любовь.

– И прекрасно держишься, – а это уже шепотом, сопровождаемым ободряющим взглядом.

– Благодарю, лорд Монлер, – девушка присела в реверансе, а после подала руку отцу.

Правда, стоило подойти к массивным, ведущим в зал дверям, как вся выдержка Камиллы куда-то улетучилась. Задрожали колени, внутренности сжались в тугий ком, а перед глазами все поплыло.

– Одну минуту, – виновато взглянув на отца, девушка на цыпочках подкралась к висевшей на стене картине.

Изображенный на ней морской пейзаж мало чем отличается от остальных. Тот же желтый песок, тот же бушующий океан, вот только, стоило Камилле подушечками пальцев погладить полотно, как по картине пошла рябь. Одна бесконечно долгая минута и вот уже перед девушкой открыто «окно» в зал.

«Все-таки не зря отец заплатил воздушнику сто золотых!» – жадно приникнув к проему, подумала девушка.

Там, за стеной царил настоящий праздник. Сама Камилла предпочла бы не тратить деньги, но тот, по чьей вине все происходило, захотел устроить все как можно ярче и помпезнее. Поэтому сейчас огромный бальный зал с бело-золотистой отделкой буквально утопал в зелени. По стенам струились каскады голубых гортензий. Основания белоснежных колонн были превращены в корзины с цветами. В нишах из-за листвы карликовых деревьев виднелись ярко освещенные мраморные статуи. Под потолком парили световые шары, горели канделябры. Музыкантов было не видно, зато хорошо слышно. Звуки медленной мелодии так и манили закружиться в вальсе, но танцы этим вечером не планировались.

Людей же в зале набилось.... Даже на ее первый дебют пришло меньше!

«Впрочем, глупо удивляться. В конце концов, дебюты юных девушек довольно похожи и там никогда не случается ничего предосудительного. А вот аукцион уже сам по себе скандален, можно будет неделями пересказывать друг другу новые сплетни!» – Камилла со злостью прикусила губу.

Правда, тут же отругала себя за проявленные эмоции и уже спокойно стала рассматривать разряженных гостей. Кто-то громко смеялся и обмахивался веером, некоторые держались скованно и с тоской поглядывали на дверь, явно мечтая очутиться подальше, но на лицах большинства читалось нетерпение.

Единственным, кто явно чувствовал себя не в своей тарелке, оказался тучный торговец. Разряженный в яркую

одежду, он прятался в тени колонны и, пользуясь тем, что на него не обращают внимания, то и дело вытирал лоб клетчатым платком.

– Камилла, нас ждут... – граф осторожно коснулся ее руки.

– Да-да, негоже опаздывать больше, чем на пятнадцать минут, – девушка вновь провела пальцами по проему, заставляя картину вернуться на место, после чего повернулась к отцу.

В зал они вошли с высоко поднятыми головами и вежливыми улыбками, как и полагалось хозяевам дома. Пусть даже и распоряжаются здесь они последний раз.

«Нет! Моих слез вы не увидите!» – взгляды присутствующих кололись гораздо сильнее иголок, но Камилла лишь улыбнулась еще шире.

– Добрый день. С вашего позволения, я, пожалуй, начну. Все знают, ради чего мы здесь собрались или напомнить еще раз? – спрятав платок в карман, к ним поспешно подскочил торговец.

От былой растерянности не осталось и следа. Вспомнив, что работа прежде всего, теперь он лучезарно улыбался, демонстрируя небывалый прилив сил и восторг. Получалось разве что чуть-чуть хуже, чем у самой Камиллы.

«Будто клоун в цирке», – наблюдая, как у мужчины стремительно краснеет лицо, подумала девушка.

Собственно, происходящее мало отличалось от циркового представления. Есть разодетые гости, которые пришли в надежде увидеть любопытное зрелище. И есть она с отцом, которым «выпала честь» послужить тем самым развлечением.

– Так что, можно переходить к цели? – стремясь, чтобы все собравшиеся обратили на него внимание, торговец даже руками взмахнул.

«Ну, давай, скажи еще раз, что мой отец разорился и все его имущество распродается!» – Камилла обожгла его ненавистным взглядом.

– Да, начинайте, – голос отца прозвучал спокойно, даже доброжелательно.

Незаметно сжав ее локоть, граф двинулся в центр зала к уже приготовленному столу.

– Добрый вечер! Попрошу всех, кто пришел сюда в надежде что-то приобрести, подойти поближе, чтобы лучше видеть. Тех же, кто собирался только посмотреть, тоже прошу не оставаться в стороне, ведь неизвестно, вдруг что-то привлечет ваше внимание! – заняв место посередине, зычным голосом объявил торговец. – Итак, наш первый лот – фамильное серебро семейства Монлер. Кто желает приобрести столовые приборы на сорок восемь персон за пятьдесят золотых? Обращаю ваше внимание, данное серебро изготовлено лично самим мастером Лестером! Вполне возможно, это одна из последних его работ!

Расхвалить ложки и вилки торговцу пришлось еще добрых десять минут, прежде чем леди Горжина все же подняла веер и заявила, что согласна купить набор за пятьдесят пять золотых. Впрочем, ничего удивительного в замешательстве гостей не было.

Насколько знала Камилла, за последние десять лет имущество лордов очень редко спускалось с молотка, чаще всего долговые расписки выкупали родственники. Если же иного выхода не оставалось, то торги проходили в закрытом кругу, и уж точно не превращали аукцион в нелепый фарс.

Вслед за столовым серебром продали несколько статуэток и шкатулок, после пришел черед чайного сервиза.

– Посмотрите, какие красивые чашки! С какой любовью художник украсил их, изобразив влюбленную пару. Купив этот сервиз, вы сможете не только пить чай, но одновременно наслаждаться живописью. Кроме этого... ай! – чашка, которую торговец для наглядности поднял повыше, без всякой причины разлетелась на осколки. Причем на пол они не упали, растаяв в воздухе.

– Как вы сказали, набор на шестьдесят человек? Кажется, уже на пятьдесят девять, – деловито уточнила леди Монория,

сухенькая старушка, давно уже разменявшая шестой десяток.
– Насколько упадет цена?

Наверное, Камилле следовало расстроиться, вот только вместо этого губы сами собой сложились в улыбку, а в памяти ожило очередное воспоминание. Вот она, семилетняя, тянется к стоящему на верхней полке сервизу, чтобы устроить куклам самое настоящее взрослое чаепитие. Ее находит няня и разряжается долгой нотацией, смысл которой сводится к запрету брать любые вещи без спросу. К счастью, на шум появляется графиня Монлер. И, мгновенно разобравшись в ситуации, разрешает дочери взять чашки для игры.

Лот следовал за лотом. Камилла смотрела прямо перед собой. Со сложенными в замок руками и идеально ровной осанкой, она казалась холодной и невозмутимой. И только в груди что-то обрывалось каждый раз, когда раздавался очередной удар деревянного молотка.

Пытка под названием публичные торги тянулась бесконечно долго. Никогда раньше Камилла не задумывалась, насколько их семейство богато и каким имуществом владеет. Вот только этих денег все равно оказалось мало.

Когда хлопнула дверь и послышались шаги, она единственная осталась неподвижной. Лишь крепче вцепилась в веер, слушая, как девушки восторженно вздыхают и шепотом обсуждают вошедшего.

– Господин Ильшенис, вы уже здесь? К сожалению, деньги еще не собраны... Торги несколько затянулись, но мы закончим с минуты на минуту! Осталось всего пара лотов, – в голосе торговца угодливые нотки переплелись со страхом. – Вы подождете здесь? Должно быть, вам хочется пить. Велеть приготовить чаю?

– Если бы я желал выпить чай, то так прямо бы и сказал. Здесь я только с одной целью, – а вот голос вошедшего мужчины звучал сухо и невозмутимо.

Камилла медленно обернулась и к своему удивлению, столкнулась взглядом со смотрящим прямо на нее Ильшенисом. По телу мгновенно поползли мурашки. Почему-